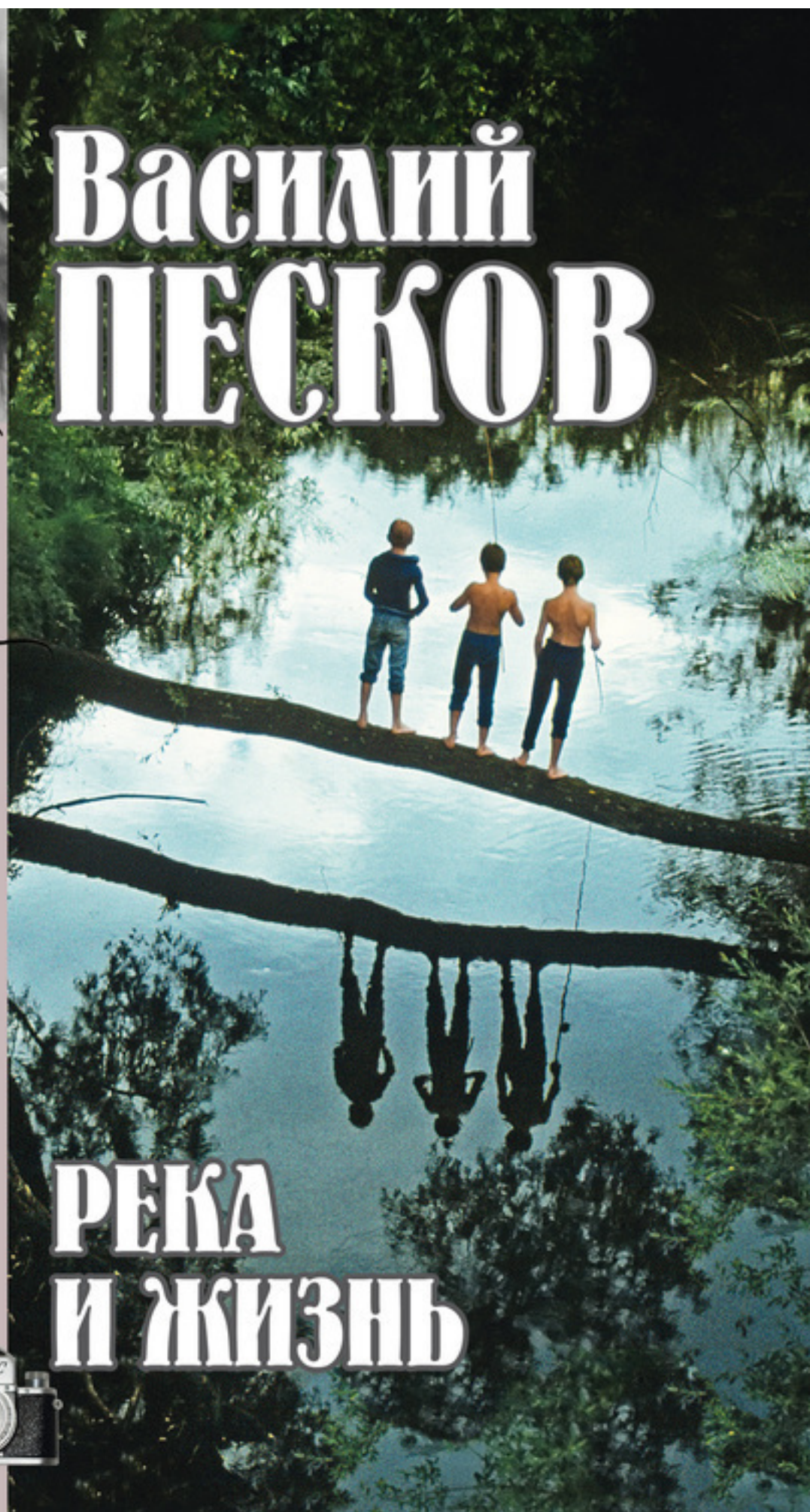

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юбер

РЕКА И ЖИЗНЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 10. Река и жизнь**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 10. Река и жизнь /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-859-4

В 10-й том собрания сочинений известного журналиста «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова вошли, кроме заметок рубрики «Окно в природу», рассказ о полете в Америку через Северный полюс по маршруту легендарного летчика Валерия Чкалова и интервью с маршалом А. М. Василевским к 30-летию Победы «Командная точка войны».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-859-4

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	6
1973	9
Фабр	9
Снимают ученые	14
1974	17
Открытка	19
Ленинград, Ленинград!	22
«Плывать по морю необходимо...»	24
Мастер	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 10. Река и жизнь

«...Человек обязан уступить дорогу животному, дать ему шансы спастись, выйти из сложного положения. Только при этом условии мы можем сохранить приятную для нас близость живого мира».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Если вы обратили внимание, в этом томе мы впервые поместили фотографию Василия Михайловича Пескова в кепке. До этого были и шляпа, и берет, но вот именно таким – в неизменной кепке – он запомнился всем, кто его знал или видел в передаче «В мире животных», которую он вел довольно долго.

Без кепки даже в редакции его видели немногие, и невозможно удержаться от того, чтобы не привести сегодня вместо предисловия забавный рассказ самого Василия Михайловича об этой его «визитной карточке»:

«Василий Михайлович, много лет и на телевидении, и встречаясь, вижу вас в кепке. Неужели одну так бережно носите?»

Скажу всю правду – не одну! Носил я в молодости шляпу. Хорошая штука. Но каково в ней снимать, то приседая, то даже ложась на живот! Стал носить более удобный берет, но больно претенциозная это покрывка для лысины. Купив кепку, я почувствовал: это – что нужно! Привык к кепке и даже испытываю растерянность, если на голове ее нет. Друг шутит: «Люди, наверное, думают, что и в бане ее не снимаешь...»

Шил эти кепки в Москве какой-то старик-еврей. Купить их можно было везде. А когда Гайдар стал крутить штурвал экономики, я понял: надо солью, спичками и кепками запастись. Купил сразу десяток и стал носить бережней. Но все равно с кепками постоянно что-то случалось. Одна на теплоходе, когда плыли по Волге, упала за борт.

А в Алма-Ате случились просто мистические истории. Снимали в зоопарке сюжет для передачи «В мире животных». По ходу дела кормил я стоявшего в загородке слона арбузами. Дотягивался он через ограду с шипами до меня хоботом и брал арбуз. Швырнув его в рот, тянулся за другим. Кинокамера все это снимала. Ну и, как всегда, оператор кричал: «Еще один дубль!» Пока бегали за арбузами, мы стояли, болтали о том, о сем, и вижу вдруг, в мою сторону что-то из загородки метнулось. Я резво присел. Это был хобот. Слон успел сдернуть с головы моей кепку и тут же с аппетитом, под хохот нашей команды, пожевав ее, проглотил. Когда все закончили, я зашел к директору зоопарка и весело ему рассказал о всем, что случилось. Директор, к моему удивлению, не только не засмеялся, но побледнел: «Какая кепка, Василий Михайлович! Слон пытался схватить вас за шею. Разве не предупредили, что у него воспаление корня одного из бивней, и он, страдая от боли, страшно раздражителен. Затащив в загон, он бы мокрое место от вас оставил...» Этот случай, как видно, не первый, заставил слона пристрелить.

И еще одна история в той же Алма-Ате. Гостил я у замечательного человека, писателя-натуралиста Максима Дмитриевича Зверева. После обеда собрался в аэропорт. Надеваю на веранде куртку, беру сумку с фотографической техникой. А где же кепка? Туда-сюда – нет кепки. Вышли в огороженный садик. Калитка закрыта – никто не входил, да и кому нужна кепка? Хозяева в смущении-недоумении, а я гляжу на как-то винновато стоящую овчарку и говорю: «Кепку могла припрятать собака...» Хозяева пожимают плечами – ничего подобного за овчаркой не значится. Однако начинаем искать и в самом углу садика, у забора, находим засыпанную сухими листьями мою красавицу. Собаке, видно, понравился запах кепки – пот, всякие лесные травы. Кепка для нее – все равно что пластинка для нас с дорогой музыкой. Другие, менее экзотические случаи убыли головных уборов неинтересны. Такому разгильдяю, как я, например, ничего не стоит наполнить кепку лесными грибами или орехами. Да мало ли для чего послужить может кепка!

Истощился стратегический мой запасец. Донашиваю предпоследнюю. А купить нигде. Кепок – навалом! Но все бусурманские, какие-то узкие, с кнопочкой наверху – сплошное пизжонство! А для моей деревенской физиономии нужен не то чтобы грузинский «аэродром», но все же что-то привычное. Позвонил в мастерскую: «На заказ шьете? Только чтоб из «букле»...» Нету, отвечают, сейчас «букле». Забегаю иногда в магазин – и тут «букле» нету. Нету чертова этого «букле», перестали ткать, что ли? Живу под угрозой остаться без кепки».

Это забавное эссе было написано Песковым в 2003 году. Не остался Василий Михайлович без кепки. Когда он ушел от нас, дома вместе со старыми ношенными кепками осталась одна ни разу не надетая. Из букле.

И вот это фото кепки с орехами – из архива Василия Михайловича.

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1973

Фабр Окно в природу

Полностью надо бы написать: Жан-Анри-Казимир Фабр. Но в этом нет надобности. Большое признание упраздняет титулы, родословную, даже имя. Фабр, Менделеев, Эйнштейн... Всем сразу ясно. Кто и что стоит за единственным словом.

У Фабра титулов не было, родословная не прослежена далее деда. Он сын крестьянина. Фамилия Фабр значит – кузнец. Фамилия эта едва ли не самая распространенная в мире. В России – это Кузнецов, на Украине и в Польше – Коваль, в Англии и Америке – Смит. Фабр – француз из Прованса. Родился он 21 декабря 1823 года, то есть 150 лет назад. И эти заметки – знак памяти необычно и плодотворно прожитой жизни.

Большое признание к Фабру пришло с большим опозданием. 19 февраля 1910 года «Фигаро» словами знаменитого Метерлинка упрекнула французов: «Люди почти не знают имени Жана-Анри Фабра, одного из самых глубоких и самых изобретательных ученых. И в то же время одного из самых чистых писателей и, могу добавить, одного из лучших поэтов недавно истекшего столетия...» Взволнованное слово достигло сердец. Статью Метерлинка перепечатали газеты, и французам сделалось стыдно. В забытый миром и богом домишко устремились газетчики, именитая знать, почитатели и издатели, делегации и зеваки. Художники желали писать портреты ученого, операторы фирмы «Патэ» снимали сенсационный

фильм. Поэты, фотографы, скульпторы и туристы роем жужжали в стоящем на пустыре доме. Прибыл сюда даже сам президент Франции Раймон Пуанкаре.

Как все это принимал Фабр? Он хмурился, вытирал слезы.

– К чему это? Скрипки пришли слишком поздно...

В газеты он написал: «Дайте мне спокойно дожить последние дни...» Фабру было в этот момент 89 лет. Ему назначается пенсия. «Никто не хотел верить, что до того ее не было».

Умер Фабр осенью 1915 года. Среди посмертных похвал: «Просветитель, Ученый, Мыслитель, блестящий Поэт и Писатель» есть одна, сказанная о Фабре американцами и на американский лад: «чемпион самоучек мира», «человек, который сам себя создал». Таких людей известно немало. Среди них есть особенно близкие нам – Горький, Циолковский, Мичурин. Их путь к вершинам не лежал через двери университетов, и ничто другое – знатность фамилии, протекция, покровительство, деньги, счастливый случай – не направляло их путь. Зерно таланта проросло не на вспаханном поле, а под ногами идущих, среди булыжников жизни. И потому не только жатва свершенного, но и пройденный путь сам по себе является ценностью. Человеческий род гордится такими людьми.

Все было у Фабра: нищета крестьянской семьи, ранний уход из дома («ты вырос, сын, должен себя кормить»), череда случайных работ (пастух, продавец на базаре, грузчик, сборщик плодов, дорожный строитель) и профессия на всю жизнь, профессия, едва кормившая, – провинциальный учитель. Позже скажут. Что этот учитель знал больше любого знаменитого профессора из Сорбонны. И это было действительно так. Полдюжины ученых степеней было у прованского педагога: по химии, физике, зоологии, литературе... Он хорошо знал математику, астрономию, археологию, ботанику и поэзию, сам писал стихи, одинаково страстно любил Беранже и Вергилия. И все до последней крупинки богатые знания были добыты, как мы сейчас бы сказали, самообразованием. Воля, упорство, любознательность и терпение (он выше всего ценил это качество в людях) сделали свое дело. Оригинальность и самобытность его исследований в биологии, литературный блеск изложенной мысли, а также страсть просветителя были замечены. Фабра пригласили в Париж. На пышном рауте, сверкавшем атласом, кружевами и драгоценностями, провинциального педагога в ношеном сюртучишке представили самому императору. Луи Наполеон, проходя в шеренге подобострастных людей, заметил растерянного Фабра, сказал ему несколько заранее подготовленных слов. Тут же учителю наметнули, что император хочет видеть его воспитателем своего сына. Достаток, житье в столице, учение наследника при дворце... Такой поворот жизни другого мог бы сделать счастливым, но Фабра это приводит в ужас. Не дождавшись окончания пышного торжества, он незаметно уходит и едет в провинциальный маленький Авиньон, где ждут его жена с пятью ребятишками, нищенская зарплата учителя и... осы, жуки скарабеи, кузнечики, пауки. Он уже выбрал свою «главную борозду» в жизни. Мучительный поиск призвания для него завершен. Он знает, что надо делать. И немедленно после приезда, с отвращением вспоминая парижскую суету, «опускается на колени в траве».

То было время жадного узнавания природы. Шла «перепись» животного мира, в музеи со всех концов света везли шкурки для чучел, зоопарки Европы выставляли на обозрение диких животных птиц и зверей. В биологии главенствовали: систематика, физиология, описание вновь обнаруженных видов животных. Насекомые тоже попадали в реестры ученых. Вездесущую многоликую мелкоту пытались считать, но сбивались со счета. (Насекомые и теперь не сосчитаны полностью!) Их внимательно изучали наколотыми на булавки в застекленных изящных ящиках. Фабр первым опустился на колени и увидел их жизнь. И уже не мог оторваться от этого зрелища.

В траву глядел не любопытный пастух. Коротавший время от восхода и до заката, с лупой в траве лежал ученый, тонкий экспериментатор, поэт и мыслитель. Впрочем, для проходящего мимо обывателя городка Авиньона это был всего лишь чужак. В самом деле, утром идут – он

сидит на корточках с лупой возле коровьей лепехи, вечером возвращаются в город – сидит в той же позе. Переглядываясь, авиньонцы многозначительно крутили пальцем у лба. Прозвище у тихого, необщительного человека было не злое, но и не лестное – Муха.

Пятьдесят лет жизни на коленях перед козявкой... Позже, когда подводился итог, обнаружилось: провинциальный учитель для науки сделал больше, чем целые группы ученых в лабораториях, оснащенных тонкой и дорогой техникой. Он же имел: лопату, увеличительное стекло, коробочки, пузырьки. Ланцеты для вскрытий он делал сам из иголок. Место рядом с плитой частенько служило ему анатомическим театром, надо было лишь выбрать время, когда детвора в доме уgomонится. Но главным местом его работы были заросли бурьяна за околицей. Фабр почувствовал себя королем, когда после скитаний купил домишко. И даже не крыша над головой больше всего его радовала, а пустырь рядом с домом. Все деньги, какие были, он истратил на сооружение ограды. Никакие насмешки, никакие помехи были теперь ему не страшны. Заросли диких трав он с гордостью до конца дней называл «моя живая лаборатория» и слово «**Пустырь**» писал он не иначе, как с большой буквы.

Что же открыл упорный, самоотверженный и терпеливый исследователь? Он многое разглядел. Строение насекомых, устройство гнезд, выбор пищи, манеру еды, сроки жизни и фазы развития. Фабр старался понять назначение каждой щетинки, каждого хоботка, бугорка и членика на теле козявки. Но это не все и, пожалуй, не главное. Главное – поведение насекомых. («Они открывают мир столь новый, что иногда кажется, вступаешь в беседу как бы с обитателями другой планеты».) Как находят еду, дорогу домой, друг друга? Почему селятся в этом месте и избегают другого? Назначение звуков и запахов? Есть ли разум у насекомых? Что временно, а что, быть может, приобретается тут, в бурьянах, на глазах у лежащего наблюдателя? Эти вопросы были поставлены Фабром. И на многие сам же он дал ответы, подтверждая доводы поразительно тонкими экспериментами. И он не просто описывал опыт, он глубоко обобщал все, что заметил. Вот образец его размышлений.

«Стоит ли действительно тратить время, которого у нас так мало, на собирание фактов, имеющих небольшое значение и очень спорную полезность? Не детская ли это забава – желание как можно подробнее изучить повадки насекомого? Есть слишком много куда более серьезных занятий, и они так настойчиво требуют наших сил, что не остается досуга для подобных забав. Так заставляет нас говорить суровый опыт зрелых лет. Такой вывод сделал бы и я, заканчивая мои исследования, если бы не видел, что эти вопросы проливают свет на самые высокие вопросы, какие только нам приходится возбуждать. Что такое жизнь? Поймем ли мы когда-нибудь источник ее происхождения? Сумеет ли в капле слизи вызвать те смутные трепетания, которые предшествуют зарождению жизни? Что такое человеческий разум? Чем он отличается от разума животных? Что такое инстинкт? Сводятся ли эти две способности к общему фактору или они несовместимы?.. Эти вопросы тревожат всякий развитый ум».

Звучит это так, как будто сказано только что, а не сто лет назад.

Фабр хорошо понял связи снующих под ногами козявок со всею сложностью жизни. Самоучка-ученый сознавал и практическую необходимость изучать насекомых потому, что видел в них главного конкурента людей в борьбе за пищу. «Странное дело! Человек не может помешать маленькому червячку попробовать вишни раньше их владельца...» Много теперь сделано, чтобы помешать этому червячку. Но по-прежнему не с крупными животными делит человек зеленую пищу. Четверть всего урожая, несмотря на могущество химии, человек отдает червякам и козявкам. Надо ли говорить, как важны знания, которые одним из первых стал добывать крестьянский сын из Прованса.

Фабр жил в одно время с великими естествоиспытателями. В его бедном доме гостил Пастер, открывший мир еще более мелких существ. К Фабру он заглянул за советом и поразил его незнанием слишком простых (для Фабра) явлений из жизни насекомых.

С Чарльзом Дарвином у Фабра была переписка. Забором на своем Пустыре Фабр отгорожен был от назойливых обывателей, но он чутко слушал происходящее в мире науки, и, конечно, волновавшая всех теория об изменчивости мира была им изучена. Он не признал ее. В лице Фабра Дарвин получил критика проницательного и убежденного. Сегодня, когда все устоялось, такое противоборство выглядит странным. Однако следует помнить: эволюционное учение не сразу, не тотчас завоевало умы. Многие из ученых спорили с Дарвином и не принимали теории. (Среди них был и Пастер.) Фабр возражал англичанину, опираясь на опыт своих наблюдений, и его заблуждение было вполне «законным» – мир насекомых с инстинктами миллионлетней давности меньше всего возбуждал мысли об изменчивости живого. Полемика не мешала, однако, двум людям питать друг к другу глубокие симпатии. Дарвин называл Фабра «несравненным наблюдателем» и «гениальным экспериментатором». Он писал: «Не думаю, чтобы в Европе нашелся кто-нибудь, кого ваши работы интересуют больше, чем меня». Фабр, в свою очередь, глубоко уважал Дарвина за «поразительную преданность науке». А уж кто лучше Фабра знал цену преданности?

Сам он избранному делу не изменил, несмотря на все превратности судьбы. Постоянная бедность, мужицкое происхождение, закрывавшее ему двери на университетскую кафедру, наконец, изгнание с должности в провинциальном лицее. (Придинок за вольнодумство, за панибратство на курсах с красильщиками, колбасниками и суконщиками, за «порочащие учителя лежания в бурьянах» накопилось уже немало. Терпение церкви и богатых ханжей переполнила лекция об устройстве цветка. «Пыльца, тычинки, оплодотворение... И это девушкам... Вон!») Богобоязненные владелицы дома тоже сказали: «съезжайте, и поскорее». Больная жена, пятеро детей... Оскорбленный, без надежды найти работу и кров, он уехал из Авиньона и поселился на окраине соседнего Оранжа. И сразу же зонтик его и старая шляпа стали маячить на пустырях, где стрекотали кузнечики и жужжали шмели, – изгнанник преданно вел свою борозду.

На хлеб зарабатывать он садится за письменный стол. (Крошечный стол, на нем помещались только листок бумаги и склянка с чернилами. Стол уцелел и хранится в музее Фабра...) Издатель, прочитавший принесенное сочинение, сказал слова, какие издатели говорят крайне редко. «Все, что написано будет вашим пером, я немедленно напечатаю». За несколько лет Фабр написал целую библиотеку для взрослых и юношества (при жизни вышло сто одиннадцать его книг). Просматривая их названия, мы отнесли бы автора к весьма почтенному ныне цеху популяризаторов науки. Химия, математика, агрономия, физика, хозяйствование, астрономия, ботаника, история, зоология. И обо всем написано с блеском. Книги переводились на многие языки (в Ясной Поляне в библиотеке Толстого хранится «Арифметика» Фабра), и кое-что издается во Франции и поныне. Потускнели (передовые по тому времени) представления о науке, но блескит по-прежнему в книгах талант педагога и литератора. И если уж астрономия с физикой объяснены и воспеты были так, что издатели и читатели ждали новой очередной книжки, то уж, конечно, никто лучше Фабра не мог рассказать о «жизни, кипящей в травах», о жизни, сущность которой он постиг и осмыслил фактически первым. Десять томов большого труда о насекомых выходили один за другим. Они-то и сделали имя Фабра бессмертным. Спросите любого из энтомологов в любой стране: кому он обязан избранием поприща? Ответ будет почти всегда одинаковый: Фабру. Книги Фабра о насекомых относятся к числу немногих книг, которые непременно должен прочесть каждый любознательный человек. А читая, следует помнить: все для книги добыто необычным упорством, страстью и трудолюбием.

Бедность всегда была спутником Фабра. Но, возможно, она и не дала ожиреть беспокойному, любознательному уму. На своем Пустыре Фабр чувствовал себя независимым, не вовлеченным в мелкую суету. К концу его жизни в доме появились кое-какие приборы, редакция, по тем временам, похожая на чемодан, кинокамера. И до этого, как волна популярности захлест-

нула Пустырь визитерами, тут побывали истинные друзья исследователя. По их воспоминаниям можно представить кое-какие черты сугубо земного Фабра.

Просыпался он рано, и сразу – за дело. Только человек, не знающий характера хозяина Пустыря, мог звонить в часы до полудня. Это время для Фабра было святым – работал.

Любил тишину. Иногда в раздражении останавливал даже большие часы – «мешают сосредоточиться». К соловьям относился без уважения – «орут под самым окном». Даже стрелял иногда в темноту – распугать.

Главным учителем считал природу – «архитектура Лувра менее содержательна, чем раковина улитки». Любил природу самозабвенно. Однако с таким же энтузиазмом, с каким мы встретили первый спутник, Фабр приветствовал появление паровоза и даже написал по этому случаю оду.

Любовь к насекомым была у него безграничной. Об этом мире он хотел знать все, что возможно. Даже за обедом устраивал эксперименты. Так, однажды он пожелал проверить: прав ли был Аристотель, утверждавший, что нимфы цикады съедобны и даже «сладчайши»? Заключение: «Жевать от нечего делать еще куда ни шло, но восторгаться тут нечему...» Во время болезни на 56-м году Фабр почувствовал себя умирающим. Последним желанием его было увидеть любимцев. Сын принес к постели отца грудку мерзлой земли. Ожившие в тепле насекомые зашевелились. «Фабр не мог двинуться, но глаза его с живой радостью следили за просыпающейся жизнью». Кто знает, возможно, такие минуты действуют на людей лучше любого лекарства?

В еде и одежде был крайне неприхотлив. Горсть изюма, хлеб, сыр, яблоко – и он уже сыт. С широкополой шляпой не расставался всю жизнь. Садился в шляпе даже за обеденный стол.

Фабр дорожил всем, что вмещает в себя понятие **Дом**. После смерти первой жены, в возрасте шестидесяти лет, он снова женился на девушке двадцати лет Жозефине-Мари. Разумеется, были толки и пересуды. Но семья состоялась. Дом снова наполнился щебетом ребятишек (их родилось трое). После обеда Фабр возился с детьми – рисовал, сочинял для них сказки и музыку. Сын Поль, когда вырос, прилежно помогал отцу и любил его дело, но второй Фабр все же не вырос на Пустыне – яблоко от яблони в этом смысле падает чаще всего далеко.

Любимым словом ученого на всем протяжении было латинское *лаборемус* – за дело, работать!

Таким он был, сын прованского мужика Жан-Анри-Казимир Фабр. Об этом человеке сказано много хороших и сильных слов, написаны книги воспоминаний, исследований, докторские диссертации и стихи. «Это один из тех французов, который меня больше всего восхищает», – сказал Ромен Роллан. Стараясь представить мысленно, кого бы мог иметь в виду Роллан вслед за Фабром, вспоминаешь почему-то Экзюпери и Жерара Филипа.

В России у Фабра было много друзей, хотя он, скорее всего, мог об этом только догадываться, получив известие об избрании его почетным членом энтомологического общества.

Тем, кто хотел бы больше узнать о замечательной жизни, советую книгу Евгении Васильевой и Иосифа Халифмана. В 1966 году она издана «Молодой гвардией» в серии «Жизнь замечательных людей».

Вспомнить Фабра сегодня следовало не только в связи с круглой цифрой календаря. В этом году Нобелевские премии по биологии присуждены ученым, прославившим себя работами о поведении животных (Карл Фриш, Конрад Лоренц, Нико Тинберген). Отдавая должное таланту этих людей, важно напомнить: Фабр первым открыл страницу науки, ими продолженной.

Фото автора. 16 декабря 1973 г.

Снимают ученые Окно в природу

Три этих кадра сняты учеными...

Ранее в экспедицию непременно брали художника – даже очень подробная запись и самый аккуратный дневник все же бедны без зрительных образов, без точной фиксации увиденного. Художник в экспедициях делал наброски растений, животных, людей, пейзажей, рисовал камни и насекомых. Работа его была благодарной, ибо и сотней слов нельзя передать того, что сразу понятно при взгляде на несколько даже беглых штрихов. Карандаш, однако, требовал времени. А в экспедиции, бывает, и минуты нельзя задержаться на месте. К тому же зверей и птиц не заставишь позировать. Надо ли говорить, каким необходимым прибором сразу сделалась в путешествиях фотокамера. В первые годы существования фотографии пришлось, правда, возить громоздкое снаряжение – целый походный цех для полива и проявления после съемки тяжелых и хрупких стеклянных пластин. Но шли и на это – документальная точность снимка окупала все хлопоты.

Сегодня возможности фотосъемки огромны – моментальность, цветная пленка, богатый набор объективов, компактность аппаратуры, возможность оставить камеру-автомат в нужном месте (на дереве, например), послать ее в космос, на дно океана, соединить с микроскопом. Благодаря фотографии мы увидели Землю со стороны и убедились: да, это шар. Снимки нам показали, как выглядит с близкого расстояния Марс.

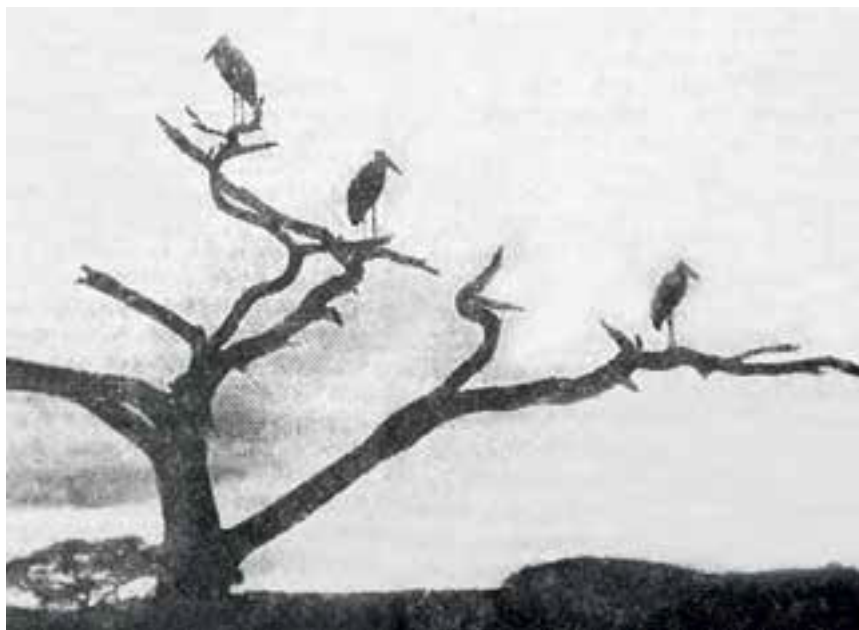
На снимках живой природы мы хотим уже видеть не просто «портреты» зверей и птиц. Фотокамера позволяет подсмотреть многие тайны животных – моменты их отношений друг с другом, повадки и образ жизни. Техника съемки доступна сегодня практически всем. И, конечно, любая экспедиция непременно имеет в своем снаряжении «фотоглаз». Для ученого снимок – это регистрация наблюдений, редких и необычных встреч и находок, доказательство в спорах, свидетельство: «Да, это было вот так», «Это мы видели», «А это опровергает прежние утверждения». Бывает, снимки ученого для ученых только и интересны. Но не всегда. Вспомните фотографии зоолога Гржимека, географа Хейердала, вулканолога Тазиева, исследователя глубин Кусто. Их снимки расширили наши представления о Земле, помогли заглянуть в ее сокровенные уголки. Три этих снимка взяты из трудов советских ученых. Они подтверждают, как интересно нам заглянуть в экспедиционный багаж.

Андрей Григорьевич Банников, путешествуя в Африке, сделал много хороших снимков саванны. Мы выбрали этот (главным образом потому, что надеемся: он не будет убит газетной печатью) – аисты марабу собрались на ночлег. Я видел саванну и могу свидетельствовать: фотография точно передает настроение африканского вечера.

На втором снимке – находка: череп и бивень мамонта. Фотография сделана в 1948 году на Таймыре и представляется нам удачной – ничего лишнего, и есть в кадре все, чтобы почувствовать безлюдье холодной земли, атмосферу раскопок. Череп и бивень обретают некий одушевленный символ минувшего. Разглядывая снимок, вспоминаешь картины Рериха, посвященные древности. Очень удачная фотография! (Автор ее, к сожалению, нам не известен. Но надеемся, он откликнется и расскажет обстоятельства этой таймырской находки.)

Третий снимок мы взяли из недавно вышедшей книги орнитолога К. А. Воробьева. Фотографическая удача принадлежит охотоведу из Кирова Геннадию Николаевичу Севастьянову. В гнезде – сова, бородастая неясыть. Пересылая нам снимок, К. А. Воробьев сообщил: «Сева-

стьянов подкараулил удачный момент. Сова спокойна. Фотограф не потревожил ее. Обычно неясыть не просто взлетает, она смело защищает гнездо. Мне известны случаи, когда с человека, влезавшего на дерево, сова сбивала шапку, оставляя следы когтей на спине...»

Публикуя три этих кадра, мы просим обладателей редких снимков: давайте покажем их в нашем «Окне». Сообщите (недлинно) обстоятельства съемки и не забудьте пометить конверт: «Окно в природу».

Фото из архива В. Пескова. 22 декабря 1973 г.

17

Открытка Окно в природу

Самодельные открытки, хотя и не такие нарядные, как фабричные, все же чем-то приятней, теплее их. Этой маленькой мудрости меня научил давний друг, от которого я получаю под Новый год то клочок бересты, то снимок или какие-нибудь каракули. Штемпеля, марка, адрес придают этому творчеству особо забавный вид. Разглядывая открытку, я живо представляю себе человека, сидящего вечером у огня, в смешном рисунке вижу его характер и даже настроение минуты. «Кустарь» приучил и меня к такой же работе. Правда, занятие это можно позволить себе только под Новый год. И, понятное дело, излишне почту загружаешь – только друзьям!

На этот раз разослана карточка с этим снимком, сделанным из окна. На обратной стороне фотографии, вслед за словами, какие мы говорим обычно друг другу под Новый год, было написано: «Работаю сейчас за городом. А это – мои друзья. Появляются каждые полчаса. С начала зимы успели съесть запас сала, мешочек орехов и зерен, дюжину яблок, кусок говядины, большой пакет сухарей и пригоршню калины. Синицы, если еду не выложил, стучат в окно. Дятел во время моей отлучки в Москву перетаскал к себе в «кузницу» эти шишки...» Но к этому можно было кое-что и добавить.

В столовой, любовно сделанной по «чертежику-пожеланию» глуховским плотником Кириллом Ивановичем Кукусиным, кормится ежедневно десятка три птиц: синицы (большая, лазоревка, гаечка), поползень, дятлы (зеленый и три вот таких пестрых), две сойки, сорока, орава взъерошенных воробьев. И прилетала несколько раз свиристель.

Появление кормушки возле окна было встречено с осторожностью, хотя до этого синицы хватили зерна с перекладки форточка и даже залетали в жилье, оставляя у меня на бумагах «визитные карточки». Птицы суетились, галдели, но только к вечеру, после решимости двух наиболее смелых синиц, начали кормиться.

Кому за этим столом достается «первый кусок»? Разумеется, смелому. Все синицы небоязливы, и, я думаю, при желании можно их приучить брать зерна с руки. Но хозяйкой в кормушке всегда бывает синица-лазоревка. Она помельче большой синицы, однако лучшее место всегда за ней, и она его не уступит, пока не насытится. Большие синицы мирятся с этим. Я не заметил ни разу, чтобы кто-нибудь даже косо взглянул на нахалку.

Между собой большие синицы ссорятся постоянно. Для устрашения – крылышки в стороны (я большая!) и угрожающий писк. Иногда дело доходит до драки – сцепившись, две птицы с криком падают вниз. Впрочем, такое бывает редко. И чем голоднее синицы, тем меньше возни – сидят плотно друг к другу (иногда сразу штук восемь), и только слышишь густую дробь – решат сало.

Дятел являлся сначала с опаской. Но беспечная суетня мелкоты придает, как видно, ему решимость. И только сел, я сразу же узнаю едока – кормушка гудит, как хороший полковой барабан. Синицам дятел – фигура знакомая. Они его не боятся. Но размер сотрапезника все же внушает почтение – посторонились, слетели. Кто посмелее, правда, сейчас же устроился рядом. На расстоянии, равном примерно размерам своего тела, дятел терпит синиц, но чуть-чуть приблизились, сейчас же выпадает клювом. Впрочем, в главное время еды (утром и перед вечером, а также в хороший мороз) в столовой царит согласие. Расстроить содружество может разве что появление поползня. Этот завсегдатай кормушки ведет себя, как бывалый, немного нагловатый шофер в какой-нибудь чайной возле дороги – «Ну-ка подвинься! Что?.. Да брось ты...» Кажется, именно на таком языке объясняется поползень с каждым, кого задел на кормушке. Приземистый, юркий, он норовит схватить своим длинненьким шильцем сразу три-четыре зерна, роняя их на лету, он спешит к стоящей напротив липе и там суетливо хоронит зерна в щелки коры. И вот он опять уже тут – «Что?.. Ну-ка подвинься». Даже дятел предпочитает на это время слететь и переждать минуту-другую.

Воробьи – постоянные гости. Держатся дружно. Прежде чем сесть на кормушку, долго за ней наблюдают, но вполне убедившись, что опасности нет, принимаются за еду и держатся очень уверенно, хватают под носом у дятла и даже бочком-бочком норовят его отодвинуть. Стоит, однако, чуть шевельнуться за шторой, они первыми видят опасность. Так же, как у синиц, в их «разговоре» легко различаешь сигналы: «есть корм!», «опасность!», «все спокойно». Этот язык воробьев, впрочем, понятен всем, кто летает в кормушку. Кажется, даже кошка, косящая глазом на птиц, тоже вполне воробьев понимает.

Всех боязливей зеленый дятел. Я узнаю его сразу по характерному стуку: раз клюнул – четыре раза оглянется. Днем почти никогда не бывает. Прилетает украдкой в самые сумерки, словно чего-то стесняясь. Но зато уж если он за столом – все остальные поодаль ждут.

Большая нарядная сойка признает только одни сухари, схватила – и сразу же наутек! Она могла бы, наверное, утаскивать также мясо и сало. Но ломтики этой еды на кормушке припилены, унести невозможно, и сойка таскает что легче взять.

Не сразу я заметил, может быть, самое любопытное из всего, что можно увидеть в окно. Оказывается, и сорокам кое-что попадало с базы питания. Сами они ни единого раза не посмели сесть под окно (осторожность прежде всего!). Но вот замечаю: только слетела сойка, сейчас же за нею вслед со шпиль елки метнулась сорока. Оказалось, сорока попросту отнимает

сухарь. Драки не происходит. Сойка, то ли со страху, то ли уж так полагается по лесной иерархии, роняет сухарь, а сорока его поднимает.

Кроме простой и сытной еды, я положил в кормушку кое-что, превращавшее ее из столовой уже в хороший дорогой ресторан: яйцо, яблоко, лесные орехи, пригоршню калины. Но при наличии семечек, сала и сухарей «деликатесы» мало кого волновали. Яблоко, правда, синицы клевали, но скорее для утоления жажды (в это же время птицы хватали снег). Треснувшее на морозе яйцо раздолбили, когда сало в кормушке иссякло. Причем сначала был съеден желток, и только потом неохотно синицы взялись за холодный мерзлый белок. Орехи перетаскал дятел (ему помогал поползень). И только калина оставалась нетронутой. Но однажды в сумерки появился охотник и до этой еды – свиристель. Птица была, как видно, больна. Она держалась отдельно от пролетающих подруг, была ко всему равнодушна, небоязлива. Я выходил из-за шторы, но птица не улетала, только чуть подвигалась по жердочке. Ни к чему в кормушке, кроме калины, даже и не притронулась. Я сходил в деревню спросить: не запас ли кто-нибудь с осени ягод? Добыл четыре пучка. Но птица больше не появлялась. А дня через два за домом под елкой обнаружилось пятнышко дымчато-сизых перьев. Скорее всего, сова, а может, все те же наблюдательные сороки...

Каждый, кто хочет, может устроить такую столовую за окном. Захотите птиц поснимать – соедините скрепками две половины оконной шторы, объектив аппарата просуньте в щель. У меня до кормушки от форточки – полтора метра. К щелчку фотокамеры птицы привыкли. И я к их возне тоже привык. Иногда они все же мешают работать. Но зато утром птицы не дают потерять ни минуты. Чуть засинелось окно – синицы уже впорхнули в жилье через форточку, а дятел начал барабанить. Отличный будильник!

С Новым годом, друзья! Наши встречи в «Окне» будут иметь перерыв, но не очень большой.

Фото из архива В. Пескова. 1 января 1974 г.

Ленинград, Ленинград!

**Непреклонный и строгий
В молодом вдохновенье,
трудах и борьбе,
Как ветлы и чисты
голубые дороги,
Навсегда уводящие
сердце к тебе!**

На вопрос: «Был ли я в Ленинграде?» – я говорю: «Да, несколько раз». Знаю ли я Ленинград? Должен сознаться, нет.

Есть у меня на полке желанная книга, вернее, много томов большого труда «История Государства Российского». Я давно уже должен был бы приняться за это обязательное для меня чтение. Но в суете времени хватает лишь на поиски какой-нибудь справки. Читать же весь труд урывками, от случая к случаю, душа не лежит. Это все равно, что песню услышать: начало – сегодня, окончание – послезавтра. Два чувства испытываешь, когда глядишь на золоченые корешки. Первое: какое богатство, и тут, в кабинете, вот стоит только протянуть руку. Второе: а время идет...

Что-то похожее получается и с Ленинградом. Я был в нем не меньше двадцати раз. Но все бегом, на два-три дня, по каким-то срочным делам. Кое-что видел. Был в Смольном, поднимался на макушку Исаакия, был на заводах, где делают корабли и оптические приборы, ездил на Черную речку, был на «Авроре» и в Петергофе, был в ленинградских театрах, со специальной задачей летал над городом на вертолете и хорошо помню его удивительные панорамы. Но сознаю – это всего лишь картинки богатой, еще не прочитанной книги. Я не был в Русском

музее, не был в Эрмитаже, не был в десятке других мест, составляющих плоть и дух великого города. Не был сознательно. Не хочется мимо сокровищ пробегать, поглядывая на часы. «Приезжай осенью или лучше даже зимой, когда не слишком много людей», – пишут друзья. К письмам прилагаются планы, где и в каком порядке мы побываем. «Это же близко. Ночью сядешь на поезд, а утром уже у нас». И я жду этой желанной спокойной осени или зимы, когда можно будет неторопливо прочесть эту удивительную книгу с золотым корешком – Ленинград.

А тут на снимке – одна из многочисленных панорам города. Мы пролетали на высоте метров 200...

Фото автора. 21 января 1974 г.

«Плавать по морю необходимо...»

Navigare necesse est... Это латинское изречение, древняя матросская поговорка: «Плавать по морю необходимо...» Некогда море для человека было бесконечным, безбрежным, неясным и потому постоянно манящим – а что там дальше, за горизонтом? В далекие времена, когда никто еще не знал, что Земля – это шар, была отлита строка человеческой мудрости. Полностью поговорка пишется так: «Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо». Глубина мысли состоит в том, что люди всегда дороже самой жизни ценили познание окружающего мира. Открывать неизведанное всегда рискованно. Но человек с колыбели своей истории сознательно рисковал. Иначе мы не знали бы очертаний материков, глубин океана, пространства пустынь, высоту гор и толщи снегов. Все добыто дерзанием. Каждый шаг отмечен смелостью, вызовом опасностям и лишениям.

Всех, кто по крохам и лоскутам собрал нынешний образ Земли, перечислить немислимо, имя им – Человечество. Но самые яркие имена память наша хранит и хранить будет вечно: Колумб, Магеллан... Наш век этот список пополнил двумя именами: Гагарин, Армстронг...

Плавать по морю необходимо... На долю Гагарина и Армстронга выпало счастье утвердить философскую широту этой мысли, ибо речь уже шла не о море, не о Земле в целом, люди шагнули в пространство, лежащее вне Земли.

Все, что бывает после первого шага, всегда превышает размеры первого шага. Но идущие торной тропой и широкой дорогой непременно помнят о первом усилии, о впервые дерзнувшем. В космосе люди живут теперь неделями, месяцами. Но нужны были сто с лишним минут, прожитых Гагариным, чтобы стало возможным все остальное.

Повод для этого разговора – день рождения Гагарина. Послезавтра, 9 марта, ему бы исполнилось сорок лет. Конечно, грустно, что дату человеческой зрелости мы отмечаем без

самого человека. Но следует помнить: Гагарин и после вершинного взлета жил по закону: «Плывать по морю необходимо...»

У Гагарина два дня рождения. Первый, тихий и незаметный, – в крестьянском доме. Второй – на виду всей Земли. Второе рождение вызвало множество чувств: «он человек – посланец Земли», «он наш, советский». И, может быть, самое главное чувство – «он такой же, как все», родился в крестьянском доме, мальчишкой бегал босым, знал нужду... Высшая гордость простых людей – видеть человека своей среды на вершине успеха. Это дает человеку надежду, силы и веру. Вот почему смоленский парень в один час стал гражданином и любимцем Земли. С того апреля прошло уже (как летит время!) тринадцать лет. Мы помним: в родильных домах в те дни большинству мальчиков давали имя Юрий. Этим ребятам сейчас по тринадцать. Гагарин для них – уже история. Живой облик понемногу уже заслонен монументами, песнями и стихами, названиями пароходов, поселков, станций и площадей – обычный и естественный путь от жизни к легенде. И потому очень важно в день рождения Гагарина вспомнить его живым человеком.

Я знал Гагарина близко. Встречался с ним на космодроме, на свадьбе, на рыбалке, на собрании ученых, в почетном президиуме, в веселой комсомольской толкучке и дома в окружении ребятшек. Я видел Гагарина в одеждах, увешанных почетными орденами многих государств. И видел его в сатиновых трусах, когда космонавт шлепал себя ладонями по ногам, отбиваясь от комаров. Есть люди, знавшие Гагарина ближе и глубже. Думаю, лучшей, пока не написанной книгой о нем будет книга воспоминаний. Простых: безыскусных, каждое – на одну-две страницы воспоминаний. Мать, друзья детства, конструктор космических кораблей, государственный деятель, жена Гагарина, ракетчик на старте, космонавты, человек, отправлявший его в последний полет... Каждый по слову – и мы получим живое свидетельство об очень дорогом для нас человеке.

Если бы пришлось участвовать в этой книге, свою страницу я написал бы о первой встрече. Тогда, 12 апреля 1961 года, мы еще не знали, кто этот человек, была только фамилия и кое-какие подробности биографии. Не терпелось космонавта увидеть, и мы с репортером Павлом Барашевым, преодолев горы препятствий, получили разрешение полететь в район приземления. В огромном самолете Ил-18 мы были единственными пассажирами. Стюардесса явно знала какой-то секрет. И мы без большого усилия стали его обладателями: «этот самолет завтра доставит в Москву Гагарина».

В Куйбышеве нас ожидали новые баррикады препятствий, но часам к четырем дня мы все же пробились в крепость, охранявшую космонавта. Это был дом на берегу Волги. В большом зале стоял бильярд. Мы стали гонять шары, нетерпеливо поглядывая на большую дубовую дверь. Именно из нее, как нам казалось, должен был появиться космонавт. Худощавого миловидного лейтенанта, сбежавшего по узкой деревянной лестнице сверху, мы приняли за адъютанта, который, конечно же, должен тут быть...

– Вы из «Комсомолки»? – приветливо улыбаясь, сказал лейтенант.

Сверкающий позументом шлейф из пожилых генералов и врачей в штатском по лестнице сверху сразу же все прояснил – мы говорили с Гагариным! Но ничего богатырского в человеке. Рост – ниже среднего. Скроен, правда, на редкость ладно. В глазах веселые искорки. Покоряющая улыбка. Все глубокомысленные вопросы, которые мы приготовили космонавту, оказались не к месту. Надо было спрашивать что-то очень простое. Гагарин нас выручил.

– Ну как там Москва?

У нас были газеты с первым рассказом о космонавте, со снимками его дома. Это было первое зеркало славы, и Гагарин с мальчишеским любопытством в него заглянул.

– Да, это Валя и дочка...

Мы оправились и поспешили с вопросами о здоровье, о самочувствии. Попросили сыграть в бильярд. Гагарин с готовностью взялся за кий и сразу же показал, что проигрывать не

намерен. Игры, однако, не получилось. Один из нас суетился со съемкой, а у медиков-генералов были свои обязанности – с шутками, под руку, но настойчиво они увели от нас лейтенанта Гагарина. С лестницы, повернувшись, он подмигнул и показал руку, дескать, еще доиграем... Космонавт в эту ночь спал, как всегда, хорошо. А мы с Барашевым не заснули. Передав в газету записку, долго отвечали на один и тот же вопрос. Все в редакции хотели знать: какой он? Потом почти до утра мы сидели возле приемника – на разных языках в эфире беспрерывно повторялось слово Гагарин.

Утром зал, где вчера мы начали бильярдную партию, заполнили именитые граждане города Куйбышева – директора заводов, руководители разных ведомств. У каждого был подарок для космонавта. И всех привело сюда беспредельное любопытство: какой он? А потом было море людей, в котором Ил-18 казался маленькой рыбкой. Гагарин в новой, с иголки, форме майора стоял на лестнице, поднимая для приветствия руки. Но море не хотело его отпускать. Одно слово летало над полем: Га-га-рин! В эту минуту можно было понять: легкой жизни у парня не будет.

А этот снимок сделан уже в самолете, на подходе к Москве. Это были два часа в жизни Гагарина, когда все было позади и все только-только еще начиналось. В иллюминаторы были видны истребители почетного сопровождения. Командир нашего самолета вышел сказать: «Что делается на земле, братцы! Наш радист не может отбиться. Журналисты умоляют, грозятся, требуют, просят хоть слово от космонавта»...

Таким было второе рождение Гагарина. Так началось испытание на человеческую прочность, более жесткое испытание, чем переход рубежей космоса. Ожидал ли он сам, что окажется на вершине внимания, любопытства и поклонения? За пять минут до посадки во «Внуково» я сел рядом с ним. Самолет пролетал как раз над Кремлем. Улицы были запружены людьми.

– В честь тебя... Ожидал?

Гагарин был смущен и заметно взволнован. Он знал, конечно, цену всему, что совершил позавчера утром, но явно не ждал, не представлял этой лавины чувств, замкнувшихся на его имени...

И потом были еще семь лет жизни, напряженной жизни на виду у людей. Работа. Семья. Друзья. Все было, как у других. Но была еще трудная, пожизненная честь – быть символом нации, олицетворением всего, что стояло за его стовосьминутным полетом. Полная тяжесть этой нагрузки была известна только Гагарину. Но он никогда не пожаловался. Умел везде успевать. Знаменитая его улыбка не потускнела от времени, не превратилась только в защитное средство. Сверхчеловек? Нет, обычный человек из плоти и крови, но хорошей закваски был человек и очень крепкой закалки. Этим и дорог. Мечтал ли еще полететь? Мечтал. Говорил об этом не часто, но говорил. И были у него определенные планы... Таким людям надо бы отпускать по два века, а он прожил до обидного мало. Но жил хорошо. До последней минуты жил по высокому счету: *Navigare necesse est, vivere non est necesse* – «Плывать по морю необходимо...»

Фото автора. 7 марта 1974 г.

Мастер Окно в природу

Любопытная новость. В животном мире объявился еще один сообразительный мастер. Расскажем о нем в том же порядке, как это сделал американский журнал «Нейшнл джиографик».

Фотографу-натуралисту Роберту Сиссону позвонили из штата Флорида. «Приезжай. Зеленая цапля ловит рыбу с приманкой». Фотограф, подозревая розыгрыш, огрызнулся: «Ты, наверное, слишком долго был на солнце?» – «Нет, Боб, это верно. Она бросает приманку в воду и, притаившись, ждет. Если рыба не появилась, цапля ловит приманку и переносит в другое место...» Фотограф немедленно выехал во Флориду. Его снимки – доказательство удивительных и, судя по всему, недавно приобретенных навыков прирожденного рыболова.

На юго-востоке штата, в районе Майами, есть океанарий. Тут держат для публики морских животных. Местечко это, изрезанное каналами, кишит водяной птицей и мелкой рыбой. Каждый промышляет еду на собственный лад. Но кое-что птицам и рыбам попадает из рук многочисленных посетителей. В парке стоят автоматы, продающие корм. За монетку получаешь пригоршню красноватых таблеток – и, пожалуйста, наблюдай, как вода закипает от рыбы возле прикормки. Конечно, немало таблеток люди теряют на землю, и сообразительная птица сумела понять, насколько добычливей рыболовство с приманкой.

Происходит все так. Небольшая голубовато-зеленая птица находит таблетку и уносит в укромное место канала или ручья. Вытянув шею, птица роняет приманку в воду и, слившись с берегом, застывает. Терпеливое ожидание. И вот вода вскипает от рыб. Мгновенный бросок, и рыбешка пяти сантиметров – в клюве. Повернув добычу головой вниз, цапля глотает ее, и снова неподвижное, терпеливое ожидание. По наблюдению Роберта Сиссона, за двадцать пять минут цапля поймала 24 рыбки и промахнулась всего лишь два раза. Если приманку сносит течение, птица возвращает ее в нужное место. Уловистый уголок цапля находит почти безошибочно, но если «клев» слабый, птица меняет место, перенося туда и приманку.

1. Несет таблетку...

Все ли цапли этого вида рыбачат именно так? Нет. Другие ловят рыбешек дедовским способом – подолгу стоят у воды, ожидая, когда рыбешка случайно появится. Нетрудно понять, насколько ловля с приманкой добычливей. Цапля-изобретатель, несомненно, относится к числу гениев среди цапель. Ее догадка вполне стоит удочки, изобретенной некогда человеком. Трудно сказать, именно этой цапле надо выдать патент или кто-нибудь до нее пробовал подманить рыбу, а «гений» только успешно использовал привлекательный рыбий корм? Но так или иначе мы еще один раз убеждаемся: инстинкт инстинктом, а в сообразительности животным отказывать тоже нельзя – обязательно отыщется новатор, который сделает что-то не так, как все. И если открытие находится в соответствии со стабильными условиями среды, новшество закрепляется. У снятой тут цапли, по наблюдению Сиссона, есть уже подражатели, правда, не столь способные и прилежные. И все же наглядная выгода рационализации, несомненно, послужит уроком для птиц, особенно молодому потомству, которое учится жить. Но говорить, что все зеленые цапли будут впредь охотиться только так, будет поспешностью. В новой «технологии» есть один неустойчивый, искусственный элемент, который неожиданно может выпасть, и система нарушится. Речь идет о приманке. По какой-либо причине таблетки перестанут вдруг продавать, перестанут терять и так далее. Или еще вариант: цапля попадает в такое место, где гранулу концентрата просто и не найти. Вот если в самой природе птицы отыщут приманку, способную плавать и привлекать рыбу... Но для этого, как видно, нужен еще один гений или хотя бы счастливый случай должен пойти навстречу зеленым цаплям...

2. Бросила таблетку.

Живая природа неустанно совершенствуется и приспосабливается. Все, что притерто, проверено и испытано, бережно сохраняется. Но ничего абсолютно застывшего нет – непрерывные пробы, находки, тупики и неожиданные перспективы. В последние годы сделано много интереснейших наблюдений. Обнаружено, например, что некоторые животные пользуются орудиями труда. Каланы камнем разбивают панцирь моллюсков. Галапагосский вьюрковый дятел иголкой кактуса достает личинок из ходов в древесине. Обезьяны с помощью палочки лакомятся термитами. Африканские стервятники, не способные раздолбить скорлупу страусовых яиц, берут в клювы камни и таким образом достигают желаемого. Орлы, как известно, разбивают панцири черепах, бросая добычу сверху. То же самое вороны проделывают с речными

моллюсками. В Африке я наблюдал охоту одной из цапель: отставив крыло, она создавала тень над водой, в которой спешила укрыться потревоженная живность. В этом «укрытии» цапля и настигала добычу.

3. Улов!

Можно не сомневаться: в природе много еще незамеченных или неподтвержденных свидетельством фотокамеры тайн. В разных местах и от разных людей я, например, слышал рассказ о том, как лисицы ловят раков... хвостом. Этот способ охоты перестал казаться очень уж фантастичным, когда я вспомнил, как в детстве мы, ребяташки, ловили раков, опуская на веревочке в воду клочки овчины. Раков, застрявших клешнями в шерсти, мы успевали кидать на берег. И все же лисья охота остается в разряде баек, пока не будет фотографически подтверждена, подобно вот этому рассказу о цапле.

Убедительность фотографического свидетельства огромна. Кино- и фотосъемка разбиения страусовых яиц птицами с помощью камня произвела очень большое впечатление на биологов и любителей природы. Ученые, занятые поведением животных, сочли это открытие сенсационным и удивились: почему же раньше этого не наблюдали? Но оказалось, что наблюдали! Наблюдали охотники-африканцы. Наблюдение было описано также европейскими натуралистами в 1912, 1903 и даже в 1876 годах. Но на рассказы не обратили внимания (байки!) и позабыли о них. Надо было увидеть снимки и кинокадры, чтобы воскликнуть: это же чудо! Цените возможности фотокамеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.